

Алексей Просвет

г. Энгельс

Крёстная

Повесть

*(Продолжение. Начало в № 9–10/2016,
№ 7–9/2017)*

– Мужики, – шутя позвала Антонина Валентина и Алексея, работающих на крыше.

– Чего, баб Тонь? – отозвались они.

– Вы краску не жалейте, хорошо прокрашивайте. Если надо, я ещё дам вам банку.

– Хорошо, баб Тонь.

«Хорошо или плохо, – подумала Антонина, – а на следующее лето всё равно придётся звать красить. А года через два как раз приедут».

Всю работу закончили уже к полудню. Дед Николай к тому времени приготовил баню и поддерживал жар.

– Сперва идут мужики! – скомандовал дед Николай. – Я баньку-то прогрел, протопил как следует. Сейчас будет в самый раз. И веники хорошие. Парься от всей души.

Зайдя в парилку, дед Николай поддал парку и стал смеяться над молодыми.

– Эх, молодёжь, сразу видно – городские, не привыкшие, на нижние полки посползали. Эх, Артём, Артём, кто же идёт в парил-

ку с крестиком. Ты его или в рот засунь или на спину переверни, чтоб от тела не отставал, а то ожог может быть. А вот Александр, видно, деревенский, хоть и в городе живёт. Вижу, что баньку по-чёрному любит. Ну что, хлопчики, веники отпарились, ложись-ка, сейчас я по вашим спинам пройдуся.

Попарились на славу, и разомлевшие зашли в дом.

– Идите, девчонки, попарьтесь немного, – присев на кухне, сказал дед Николай.

Проводив женщин в баню, дед достал из холодильника полуторалитровую бутылку с квасом и налил три бокала.

– А вам ещё ехать, – сказал он Валентину и Александру.

– Но это же квас, – удивился Валентин.

– Не квас, – ответил Алексей, глотнув из бокала. – Пиво.

– Пиво, – подтвердил дед Николай. – Но для меня это всё равно что квас. Ещё вчера припас для этого случая. На станции свежее, на разлив есть всегда. Хоть я Тосе и обещал, что не буду, но после баньки бокальчик, думаю, можно. Как говорится, сам Бог велел.

Минут через десять они услышали, как во дворе деда Николая зовёт Антонина.

– Неужели и там унюхала, – улыбнулся он.

– Дед! – кричала Антонина. – Паразит проклятый, ты чего наделал?!

– Что такое? – спросил с крыльца дед Николай.

– Ты что, старый, совсем из ума выжил, – и, взяв подвернувшуюся под руку лопату, стала грозить: – Вот я тебе сейчас!

– Да что-случилось-то? – отходя в сени, спросил дед.

– Ты зачем, окаянный, баню по-чёрному протопил? Ниночка упарилась, в обморок упала. Вона в предбаннике её Люда с Верой отхаживают. Ну чаво глаза вытаращил? Нашатырь неси скорей.

Дед Николай зашёл в спальню и, отыскав нашатырный спирт, поспешил к бане.

– Стой! Куда? Ишь, разбежался. Давай сюда, сама отнесу. Жди тут.

Взяв пузырёк с нашатырным спиртом, она зашла в баню.

– Вот, Ниночка, принесла, – зайдя в баню, обратилась Антонина к лежавшей без сознания Нине и поднесла спирт ей к носу. – Понюхай, милая. Вот так, хорошо. Ну, слава Богу, пришла в себя, – перекрестилась Антонина. – Пусть пока посидит. Водички прохладной надобно. Вера, принеси ковш.

Протирая прохладной водой лицо крестницы, Антонина причитала:

– Ну ничего доверить нельзя. Вот старый дурак. Чуть со свету не сжил кровинушку мою. Ну как, Ниноль, полегчало? – спросила она.

– Полегчало, крёстная.

– Ну, пошли в дом.

– Как там, всё обошлось? – скрывая волнение, спросил у входящей в дом Антонины дед Николай. – И ты, Ниноля, прости меня, старого. Баня после нас как следует не остыла. Ей-богу, вот те крест.

– Креста на тебе нет, ирод, иди уже, не мешай, – ответила Антонина, и они прошли в комнату.

– Так я ж не специально, я ж не хотел, – продолжил оправдываться дед Николай перед остальными.

– Знаем, дед Коль, не волнуйся ты так, – отвечали ребята, просто мамка жару плохо переносит. Всё нормально, не переживай.

Дед Николай присел за стол и, глубоко вздохнув, слегка постукивал пальцами по столешнице, молча ожидая из комнаты Антонину.

Выйдя из комнаты, Антонина обратилась к деду Николаю уже спокойным голосом:

– Твоё счастье, дед, что всё обошлось. А то искать бы тебе пятый угол.

Обрадованный таким известием, дед Николай встал с табурета и сказал:

– Я ж говорил, ничего страшного. А шума-то, шума-то сколько наделали. Ёк-макарёк.

– Ступай, зови всех обедать, – распорядилась Антонина.

– Иду, Тось, – с этими словами дед Николай вышел во двор.

– Ну точно, как нашкодивший кот. Теперь вину свою будет заглаживать, выслуживаться.

– Такие они, мужики, – согласилась Людмила.

Антонина подала на стол густые наваристые щи, а к ним сметану.

– Тётъ Тонь, – обратился к ней Александр, – сметана не магазинная, свежая. А корову ты не держишь...

– Ах, ты про это? Так то ж мне соседка приносит. У неё сметана остаётся, а ходить и продавать излишки она не хочет, вот и несёт мне, а я ей яичек даю.

– А вот у Сашиной мамы и коровы, и куры, и поросята есть, и тоже все своё, – сказала Людмила.

– А нам, Людочка, трудновато держать, были бы помоложе, тогда другое дело.

– Так и баб Соня тоже вам ровесница.

– Ну, дай-то Бог... Ладно, схожу в летнюю, посмотрю, как там у меня плов, готов, наверное. Сейчас принесу. – Антонина вышла.

– Люд, вот для чего ты это сказала? – начала Нина.

– А что? Я же не в укор это сказала, а так, к сведению.

– Мне было обидно за крёстную и неприятно было это слышать. Ты у себя на работе примеры и сравнения перед подчинёнными делай, но не у крёстной, – стараясь негромко говорить, ответила Нина.

– Что ж я, виновата, что выучилась и теперь на должности работаю?

– Я не об этом.

– А я об этом. Потому что ты мне всегда завидуешь, – уже в полный голос ответила Людмила. – Да, завидуешь, у тебя всё не как у людей. Вот ты перед бабой Тоней и хочешь выглядеть в лучшем свете.

Почувствовав назревающий скандал, дед Николай попытался остановить крестниц.

– Ну что вы из-за нас, стариков, будете ругаться.

– Дядь Коль, тут дело не в вас, – ответила Людмила.

– Пойду посмотрю, – вставая из-за стола, сказал дед Николай, – вроде как Тося звала. Не слышали? Или показалось мне. Пойду, узнаю.

– А чему мне завидовать? – продолжила Нина. – Я тоже выучилась на кого хотела

и работала по специальности, на швейной фабрике начинала, а теперь в ателье на заказ шью. Да, я работала на двух работах, пока дети были маленькие, и что с того?

– Это потому что муж у тебя был алкаш беспутный, – попрекала Людмила. – Где только нашла такого? Постоянно его отовсюду увольняли.

– Зато он был первой любовью и первым мужчиной, и меня он любил. А ты, когда в город уехала, сколько у тебя было мужчин, пока ты подходящий вариант искала? Да если бы не ты, мы с Мишкой, может, так и жили бы, и он был бы сейчас живой. Это ты настраивала меня против него. Правильно он мне тогда говорил: «Не ходи, Нинулька, к сестре, потому что ты как не придёшь от неё, так мы с тобой обязательно ссоримся».

Из-за стола вышли Нинины дети, оставив их наедине. Всё хотела высказать Нина старшей сестре. Всё, что накопилось в сердце. Вся обида, таящаяся в груди, вдруг выплеснулась в эту минуту, найдя выход, чтобы потом через минуту затихнуть.

– Молодая, глупая была. Он ведь тогда мне ещё глаза на тебя открывал, а я не верила. Теперь вижу, что Мишка был прав. Всё время ты лезешь в чужую жизнь. И своей дочери ты жизнь испортила, отдав её замуж за того, кого сама выбирала, и что в итоге? Развелись. Тридцать лет, а до сих пор одна живёт из-за того, что обожглась с замужеством. Я в восемнадцать лет из-за тебя ушла к Мишке жить, хоть поначалу и не любила его. Ты приехала с Сашей – от его матери к нам, потому что там свекровь – хозяйин. А в городе мать больная, сестра младшая и квартира с удобствами. А ты ведь даже не переживала за нас с мамкой, когда уезжала. Как мы с ней живём? И когда мы в город переехали, тоже не помогла. У тебя-то с Сашей всё было хорошо. А то, что мать у тебя больная, что на её мизерную пенсию мы месяц тянули, тебе было плевать. Что я, школьница, после учёбы подрабатывала и зимой в двух осенних пальто ходила, тоже было всё равно. А как с баб Соней отношения не заладились, ты и приехала хозяйкой в квартиру.

– Нет, Нина, ты сама ушла и не из-за меня, тебе жизни вольной захотелось. И что в итоге? Нарожала троих, а обеспечить не могла. Что ж они у тебя за чужими вещи донашивали, если у тебя всё хорошо? Всё по любви у неё... Или ты думала и ждала, что я тебе возьму и на блюде всё принесу? Вот что захотела, то и получила.

– Зато мои дети всегда чистые и опрятные ходили, и, в отличие от тебя, я своих детей воспитываю сама.

– Как же, воспитывала ты их. Яблоко от яблони недалеко падает. Что они видели? Мишку твоего пьяного?

– Не бывать этому. Они всё видели и не станут повторять ошибок. А вот твои дети тебе в старости и кружку воды не принесут. Им Сашина мать, баб Соня, дороже, чем ты, она их воспитывала, а ты всячески пыталась их отправлять к ней. Тебе они мешали, и относиться они к тебе будут так же, как ты к нашей мамке. Ты же ведь ей шагнуть лишний раз не даёшь: это не бери, это не делай... Даже твои дети, глядя на тебя, поступают по отношению к ней так же. Ты за стол обедать сажаешь её отдельно, не следишь за ней. А если приступы эпилепсии у неё, так ты даже не подходишь. Что же ты крестной не сказала, когда мамка сковородой обожглась и головой ударилась, что она два дня на кухне лежала, пока вы в деревне были? Для тебя свекровь дороже матери. Во всём ты ей угодить хочешь. Коровы, говоришь, у неё? Так ты же ей их и покупала. Четыре машины с кормом от предприятия выписывала ей по благу. Всё только для неё. Могла бы и не говорить крестной про зимние вещи, что не подошли они баб Соне. А то это выглядело как подачка.

– Это не подачка. Я тётя Тоне от чистого сердца привезла. А мамке нашей со мной жить лучше. И место есть. А у тебя что? Ты всю жизнь по коммуналкам и съёмным квартирам. Это вот только недавно квартиру свою получила.

– Зато она бы жила у меня как человек. В тесноте, но в спокойствии. Сама погляди: когда я забираю её к себе в гости на неделю или две, она же от меня уезжать не хочет,

хоть и не говорит об этом. Отдых ей идёт на пользу – я про душевный отдых говорю. А Мишка живой был, он же от неё ни на шаг не отходил, и она его любила. Когда она у меня, у неё приступы один или два раза случаются, а у тебя иногда по два раза на дню. Нет, Люда, не из-за того, что ей у меня жить места не хватает, ты не хочешь, чтоб она жила у меня. Ты не отпускаешь её, потому что эта квартира мамкина. Я всю жизнь, как ты говоришь, по общежитиям, пока свою не заработала сама. А ведь там, где ты живёшь, и моя доля тоже есть. Я могла бы потребовать свою долю, даже через суд. Только ничего мне от тебя не надо.

– А ну сейчас же перестаньте! – повысив голос, сказала вошедшая в дом Антонина крестницам. А потом заговорила удручённо:

– Да разве ж так можно? Что ж это вы так, крестницы? Стыдно, стыдно должно быть. Я-то думала, вы душа в душу живёте. А вы как кошка с собакой. Слышала, всё слышала. Бог вам судья, доченьки. Одумайтесь, ведь кроме друг дружки вы никому не нужны. Никто вам не поможет, кроме вас самих. Вы сёстры, одна кровь. Не было у нас в роду такого, всегда держались друг друга. А то, что я сейчас слышала, слушать было больно. Нельзя так, крестницы, нельзя. Не так мы вас воспитывали, не для того, чтоб вы следили друг за другом и искали, чем бы попрекнуть. Наоборот, чтоб помогать, оберегать от ошибок. Не давать споткнуться. А коль беда какая или помощь нужна, так руку первым протянуть. Конечно, в жизни всё бывает и без ссор не обойтись, но откуда в вас столько злости? Сейчас же помириться, чтоб со злым сердцем не уезжать.

– Прости, крёстная, – сказала Нина.

– Я-то вас прощу, но не у меня прощения просить надо, вы сами должны друг друга простить. Жить в мире и согласии, как мы жили с вашим папкой. И с Еленой мы жили, как две сестры, всем сердцем я приняла её после их свадьбы с Лёнькой. А вы тем более должны жить ещё лучше нас. Так что помириться. Вот вам моё родительское слово. Ведь сами почти уже жизнь прожили, дети и внуки есть.

Крестницы молчали.

– Молчите? Вот и посидите, подумайте, может, одумаетесь, когда гнев с вас уляжется, – Антонина прошла в комнату.

Первой встала из-за стола Людмила.

– Что ж, пора собираться. Ехать долго, как раз к ночи и доберёмся. – вышла на крыльцо и позвала мужа.

– Саша, собирайся потихоньку. Едем.

А Нина прошла в комнату к крёстной.

– Крёстная, ты прости нас, не думала я, что так получится, – произнесла она, раскрасневшаяся от подступающих слёз.

– Ниночка, да неужто я не понимаю, что происходит? Я хоть и далеко, но сердце-то – оно всё видит. Знаю, что тяжелей тебе пришлось. И про болезнь твою знаю, что три года из больниц и от врачей не отходишь. Да вот только мне о том не писала. А мне же сестра ваша двоюродная о тебе всё обстоятельно расписала: и что ты еле выкарабкалась, что онкология тебя чуть не убила, тоже знаю. Только о ваших с Людой отношениях умолчала. Не за что тебе у меня прощения просить. Бог нас простит, ему видней. Людочку я тоже понимаю, многого хочет достигнуть в жизни, многое хочет успеть. Она по своей натуре женщина хваткая, но для меня вы обе крестницы и люблю я вас одинаково.

Стали собираться в дорогу. Антонина передала Елене через Людочку тёплый пуховый платок и различных лекарственных трав для лечебных отваров. Дед Николай передал тапочки, которые сшил сам, и письмо, написанное совместно с Антониной на скорую руку, с дорогими приветами и наилучшими пожеланиями.

– Приезжайте почаще, – прощаясь с крестницами со слезами на глазах, просила Антонина.

Расцеловались на прощание, сели в автомобиль и поехали, напоследок просигналив старикам. Смахнув слезу, Антонина перекрестила вслед уезжающие машины. Стояли до последнего, пока родные не скрылись из виду. Стояли молча, каждый со своими мыслями.

(Продолжение следует)